
ПЛАМЯ.
ОН ЗАЩИТИТ ЕЁ. ДАЖЕ ОТ САМОЙ СУДЬБЫ.
ПОКА ТЕБЯ ПОМНИТ ТЬМА
ТОМ I
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ИНОЙ МИР.

Dayana Rey

Пока тебя помнит Тьма. Том I

«Автор»
2026

Rey D.

Пока тебя помнит Тьма. Том I / D. Rey — «Автор», 2026

В тридцать пять Лив меньше всего ожидала начать новую жизнь. Тем более в мире, где на небе две луны, по улицам ходят люди с драконьими отметинами, а привычные законы реальности, кажется, решили взять отпуск.Дома остались муж, дети и жизнь, которую она вовсе не собиралась менять. Поэтому задерживаться здесь Лив не планирует. Ей нужен путь обратно — желательно быстро и без лишних приключений.Но с этим возникают проблемы.Первая — странная золотая магия, которая почему-то реагирует именно на неё.Вторая — Рейнар, царь драконов. Властный, самоуверенный и совершенно невыносимый мужчина, которому Лив с удовольствием напомнила бы, что слово «нет» существует даже для королей.И была бы очень рада, если бы при этом её так к нему не тянуло.А пока Лив ищет дорогу домой, становится всё очевиднее: в этом мире слишком многое происходит именно с её появлением.Случайность?Лив очень хотелось бы в это верить.ажды не смогла уничтожить.

© Rey D., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Там, где не должно быть неба. 5
Глава 2. Чужие огни под двумя лунами. 10
Глава 3. Золото в глазах дракона. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Dayana Rey
Пока тебя помнит Тьма. Том I

Глава 1. Там, где не должно быть неба.

ТАМ, ГДЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НЕБА

Первым она почувствовала холод: сырость проникала под одежду, и Лив постепенно приходила в себя, ещё не понимая, где лежит и почему так замёрзла. Она не сразу открыла глаза. Несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к себе и пытаясь понять, почему под щекой нет ни асфальта, ни больничной подушки. Пальцы правой руки сжимали что-то мягкое и прохладное; когда она наконец разжала их, под ладонью оказалась примятая трава, блестевшая от мелких капель воды.

Пахло мокрой землёй, прелой листвой и незнакомыми горьковатыми травами. Лив помнила улицу возле работы, поэтому лесной запах тревожил её едва ли не сильнее холода. В памяти снова взвизгнули тормоза, и перед глазами возникли мокрый асфальт, белые полосы перехода, расплывшиеся в дожде фары, чей-то раскрывающийся зонт и телефон в её руке.

Она вышла с работы почти на час позже обычного. День тянулся бесконечной вереницей чужих ошибок, срочных просьб и сообщений, на которые почему-то требовалось ответить именно сейчас, хотя половина этих людей прекрасно могла дождаться утра. К вечеру у Лив ломило виски, хотелось снять туфли, забраться с ногами на диван и хотя бы десять минут побыть в тишине, не слыша ни «мам», ни «Лив, посмотри, пожалуйста», ни очередного уведомления.

Дома, разумеется, тоже ждали дела, и рассчитывать на эти десять минут не приходилось. Иногда — обычно именно в такие вечера — Лив мечтала о нескольких часах, в течение которых никто не станет искать с её помощью потерянные вещи, звать из соседней комнаты или спрашивать, что делать дальше. Ей не хотелось уходить из семьи; хотелось ненадолго перестать быть человеком, который отвечает за всё.

Следом приходила вина. Лив понимала, что имеет право устать, но попросить домашних оставить её в покое хотя бы на вечер всё ещё не решалась. По дороге следовало купить молоко; дома — приготовить ужин, проверить уроки у старшего и найти младшей белую футболку, о которой в родительском чате вспомнили лишь под вечер. Перед самым уходом начальник попытался протянуть ей ещё одну папку, и когда-то Лив наверняка взяла бы её, а потом всю дорогу злилась на себя и придумывала правильный ответ, который следовало дать сразу. Сегодня она просто положила папку обратно на его стол.

— Завтра. Мой рабочий день закончился час назад.

Она ушла, не добавив ни одного оправдания: чужое недовольство давно перестало казаться достаточной причиной снова опаздывать туда, где её действительно ждали. Муж написал, что забрал детей, а следом пришло голосовое от дочери, записанное с его телефона:

«Мам, ты скоро? Я тебе кое-что покажу. Только ты сначала глаза закроешь, ладно?»

Лив улыбнулась, услышав голос дочери, хотя при виде уведомления успела подумать: «Только не сейчас». Она ответила, что уже идёт, и пообещала закрыть глаза, как только вернётся домой. Спускаясь по лестнице, вспомнила про бельё в стиральной машине и задачу, с которой обещала помочь сыну после ужина.

У перехода моросил дождь. Свет фар дрожал на мокром асфальте длинными белыми полосами, кто-то рядом резко раскрыл зонт, а Лив всё ещё мысленно составляла список того, что нужно успеть до сна. Она шагнула на переход, не посмотрев налево. Сигнал прозвучал так близко, что она успела повернуть голову и увидеть только ослепительно белый свет. Кажется,

кто-то закричал. Лив попыталась отступить, но удар уже пришёлся сбоку, выбивая воздух из груди. Боль на миг затмила всё остальное.

После удара память сохранила лишь одну мысль, мелькнувшую перед тем, как она потеряла сознание: дети ещё не поужинали. Теперь вместо асфальта под щекой холодила кожу мокрая трава. Лив наконец открыла глаза и увидела над собой тонкие качающиеся ветви. От этого простого движения стало страшнее, чем от воспоминания об ударе: никакого леса рядом с переходом не было.

Она осторожно подтянула колени, ожидая боли, от которой снова потеряет сознание, однако тело послушалось. Плечо ныло, в висках тяжело пульсировало, содранная ладонь горела, когда она попыталась опереться на неё. Лив провела здоровой рукой по боку, нащупала рёбра, осторожно коснулась живота и замерла, прислушиваясь к каждому ощущению.

Ничего не было сломано — по крайней мере, ей так казалось. Но Лив слишком хорошо помнила силу удара, и то, как легко сейчас слушалось тело, не укладывалось в голове.

— Помогите, — позвала Лив. Собственный голос показался чужим и слишком тихим; она сглотнула и повторила громче:

— Здесь кто-нибудь есть? Меня сбила машина! Мне нужна помощь!

Ответа не последовало. Лив ждала, задержав дыхание, надеясь различить хотя бы отдалённый гул дороги, сирену или человеческие голоса. Однако высоко над ней лишь шелестела листва, с ветки капала вода, а далеко в темноте коротко вскрикнула незнакомая птица. Она медленно перевернулась на спину, надеясь увидеть что-нибудь привычное — фонарь, дорожный знак, окно дома, склонённое над ней лицо. Любая знакомая мелочь помогла бы поверить, что происходящему есть разумное объяснение.

Над ней открылось незнакомое небо. Между ветвей висела луна, огромная и неправдоподобно близкая; по её бледной поверхности тянулись серебристые полосы, различимые так отчётливо, словно до неё можно было дотянуться рукой. Лив несколько секунд смотрела вверх, не понимая, что именно тревожит её сильнее всего, пока взгляд не сместился немного вправо.

Там, в разрыве облаков, светилась вторая луна — меньше первой, с тёплым желтоватым краем. Лив зажмурилась и прижала пальцы к векам. После аварии могло двоиться. Она могла удариться головой сильнее, чем чувствовала сейчас; могла потерять сознание, видеть сон, находиться под действием обезболивающих — вариантов было сколько угодно, и каждый из них казался предпочтительнее того, что находилось над ней.

Она медленно вдохнула, досчитала до пяти и снова открыла глаза. Обе луны остались на своих местах.

— Нет… — выдохнула Лив и почему-то оглянулась, словно рядом должен был оказаться человек, которому можно предъявить претензию. — Подождите. Я только что была на улице.

В ответ по-прежнему слышался лишь шелест листвы, и всё это становилось почти нелепым: она разговаривала вслух, хотя слушать её было некому. Лив села и принялась искать сумку. Сейчас даже это казалось делом — понятным, обычным, почти нормальным. Сумка лежала в нескольких шагах, ремешок зацепился за выступивший корень. Она подтянула её к себе и стала перебирать содержимое; пальцы дрожали так сильно, что связка ключей выскользнула на траву, а следом за ней выпали чек, помада и маленькая розовая заколка.

Лив подняла заколку и вспомнила утренние сборы. Дочь вертелась перед зеркалом, пока она пыталась собрать ей волосы, ответить на рабочее сообщение и отыскать второй носок. Лив прикрикнула на неё, а через минуту дочь сама вытащила заколку, заявила, что та мешает, и сунула матери: «Сохрани, а то потеряю».

Теперь заколка лежала на её ладони — дешёвая, пластмассовая, с потёртостью на краю. Дочь наверняка уже прислушивалась к лифту: мама обещала скоро прийти. Лив сжала губы, стараясь не расплакаться. Ещё утром это «уже иду» ничего не значило — обычное обещание,

которое можно выполнить на десять минут позже. Сейчас она впервые не знала, сможет ли выполнить его вообще.

— Сейчас, — прошептала Лив, поспешно убирая заколку обратно. — Сейчас я позвоню.

Телефон нашёлся в траве рядом с сумкой. Лив подняла его и торопливо вытерла стекло краем блузки. Через экран тянулась длинная трещина. Она нажала кнопку включения, подождала, нажала ещё раз, потом зажала её так сильно, что заболел палец. Чёрное стекло не ожило; в нём отражались только её собственное бледное лицо и холодный свет чужого неба.

— Ну пожалуйста… Просто включись.

Она услышала, как дрогнул собственный голос, и сердито сжала телефон. Несколько мгновений Лив всё ещё смотрела на мёртвый экран, будто тот мог передумать, а потом прижала его ко лбу. Если её увезли с места аварии, мужу должны были сообщить. Но что, если она всё ещё лежит на асфальте, а всё вокруг — последние бессвязные вспышки сознания?

Лив не позволила этой мысли дойти до конца. Перед глазами сразу возникли муж на кухне, дети рядом и звонок с незнакомого номера. Она резко поднялась. Пока ноги держали и можно было куда-то идти, следовало идти — всё остальное она подумает потом.

Она прислонилась лбом к холодному стволу. Ещё вечером ей хотелось, чтобы все оставили её в покое; теперь вокруг действительно никого не было. С трудом удержавшись от нового крика, она заставила себя молчать: снова услышать в ответ лишь шелест листьев было почти страшнее. Когда Лив отстранилась от дерева, её качнуло, и пришлось снова ухватиться за ствол. Кора оказалась холодной и почти гладкой, цвета старого серебра. Только теперь она по-настоящему осмотрелась: огромные светлые деревья уходили вверх так высоко, что их вершины терялись в темноте, а между корнями рос густой почти чёрный папоротник.

Сколько она ни всматривалась между стволами, не увидела ни дороги, ни домов, ни хотя бы далёкого человеческого огня, за который можно было бы зацепиться взглядом. Паника ничем не поможет. Сейчас нужно найти людей, попросить телефон и хотя бы выяснить, куда её занесло. О возвращении домой Лив пока боялась думать всерьёз: она даже не знала, в какую сторону идти.

Только впереди между деревьями проступал бледный просвет. Лив двинулась туда, прижимая сумку к боку. Лес сейчас закончится. За ним окажется что-нибудь нормальное: трасса, заправка, частный дом, пусть даже уродливый рекламный щит. Сейчас она была бы рада и ему — любой вещи, доказывающей, что мир всё ещё подчиняется знакомым правилам.

Лес действительно закончился, но ничего знакомого за ним не оказалось. Склон резко обрывался вниз, открывая широкую долину, а за ней поднималась гора, по уступам которой, словно продолжая её каменные линии, взбирался город. Лив остановилась так резко, что ремень сумки соскользнул с плеча. Чёрные башни вырастали прямо из скалы, соединённые узкими мостами; по стенам тянулись цепочки огней, внизу серебрились водопады, уходящие в туман. Над самой высокой башней сияло золотое пламя. Лив вглядывалась в город, пытаясь найти хотя бы одну знакомую черту, но ни мостов, ни таких башен прежде не видела.

В сотнях окон горел свет, и один из огоньков показался ей таким же жёлтым, как у них на кухне. Лив перевела взгляд на дорогу под горой: если там живут люди, к ним можно добраться. От одной этой мысли стало легче. Люди означали помощь, врача, возможность спросить дорогу, хоть кого-нибудь, кто сумеет объяснить, где она находится и почему над этим местом висят две луны.

Над самой высокой башней что-то шевельнулось. Сначала Лив приняла это за облако, медленно ползущее по небу. Потом облако расправило крылья. Тёмное длинное тело скользнуло перед огромной луной, заслонив часть её света. Крылья взмахнули один раз — тяжело, величественно, — хвост прочертил воздух, и существо исчезло за горным хребтом.

Лив продолжала смотреть туда, где оно исчезло. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы признать очевидное: это было не облако и не игра света.

— Да ну нахрен, — произнесла она почти беззвучно.

Лив отступила от края; колени вдруг стали ненадёжными. В пятнадцать лет она по ночам читала романы, в которых героини после гибели оказывались в другом мире. Тогда это казалось прекрасной книжной чушью. Сейчас чушь подозрительно хорошо объясняла и аварию, и две луны, и только что пролетевшего над городом дракона. Допустим, её прежняя жизнь закончилась на переходе. Но здесь она дышала, чувствовала боль и могла двигаться — значит, сначала нужно найти укрытие и помощь, а потом выяснить, можно ли вернуться к детям. За спиной хрустнула ветка.

Лив обернулась с такой поспешной надеждой, что на миг даже улыбнулась.

— Эй! Вы меня слышите?

Между стволами кто-то тяжело дышал — влажно, неровно, с тихим присвистом, будто воздух с трудом проходил через заполненное жидкостью горло. Улыбка исчезла.

— Я заблудилась, — сказала Лив уже тише. — Мне нужна помощь.

В темноте блеснули глаза — слишком высоко над землёй, чтобы принадлежать обычному волку. Лив по привычке искала человеческое лицо и не сразу поняла, что смотрит совсем не туда. Из тени медленно выступила вытянутая звериная морда, а следом показалось огромное тело. Существо напоминало волка, но узнаваемые черты лишь усиливали отвращение. Оно было почти с лошадь ростом, с тяжёлой грудью и непропорционально длинными передними лапами. На одной стороне морды шерсть отсутствовала, обнажая блестящую чёрную кожу; вдоль хребта выступали костяные наросты, а из приоткрытой пасти тянулась густая слюна.

Существо не рычало и не бросалось, а просто шло к ней, не ускоряясь. Лив отступала к обрыву. Его неторопливость пугала сильнее рыка: оно словно знало, что торопиться незачем и жертве всё равно некуда деться. Под кожей на его шее что-то двигалось. Один бугор прошёл вдоль мышц и задержался под нижней челюстью; зверь приоткрыл пасть шире, словно пытался проглотить то, что ворочалось внутри.

Лив отступила и только тогда почувствовала за пятками рыхлый край склона. Справа тянулись густые заросли, слева между деревьями оставался узкий проход. Она быстро взглянула туда и снова посмотрела на зверя, боясь даже моргнуть.

— Тихо, — прошептала она, понимая всю нелепость попытки говорить с этой тварью так, как говорят с чужой собакой. — Я тебя не трону. Просто дай мне уйти.

Существо пригнуло голову. Задние лапы подобрались под тело, готовясь к прыжку. Лив сорвалась с места в тот же миг. Ветки били по лицу, сумка больно дёргала плечо, корни цеплялись за туфли, а позади грохотали тяжёлые лапы, и этот звук с каждой секундой становился ближе. Воздуха не хватало. Лив подвернула ногу, ударилась плечом о ствол и едва не упала, но останавливаться было нельзя.

Перед глазами стояло лицо дочери, которой она обещала скоро вернуться. Лив стиснула зубы и заставила себя бежать быстрее, хотя боль в ноге усиливалась с каждым шагом.

— Нет, — выдохнула Лив на бегу.

Она сама не знала, кому отвечает — зверю, смерти или этому безумному миру, который почему-то решил, что одного удара машиной для неё было недостаточно. Между деревьями мелькнул огонь. Лив рванулась туда, продралась сквозь колючие ветви и вылетела на узкую каменную дорогу почти под ноги коню.

— Помогите! За мной тварь из леса!

Конь шарахнулся в сторону, всадник резко натянул поводья, кто-то крикнул ей отойти, но Лив уже обернулась. Тварь выскочила из леса. В свете факелов её пасть казалась ещё больше. Раздался свист, и копьё ударило зверя в грудь с такой силой, что отбросило его в сторону. Существо рухнуло на край дороги, раздирая когтями влажную землю, а Лив отшатнулась к коню, машинально закрывая голову руками.

Лив ждала, что оно снова поднимется, но хрип становился тише, когти перестали скрести камень, и на несколько секунд наступила тишина. Затем из раскрытой пасти раздался человеческий всхлип. Один из всадников выругался, спешился и выхватил клинок. Он шагнул вперёд, заслонив ей обзор. Лив не увидела, что именно он сделал, но всхлип оборвался, и зверь больше не шевелился.

Глава 2. Чужие огни под двумя лунами.

Чужие огни под двумя лунами

— Девушка. Посмотрите на меня.

Лив медленно опустила руки и подняла голову. Перед ней остановился мужчина в тёмных доспехах, а за его плечом дрожало пламя факела, выхватывая из сумрака лица ещё нескольких всадников. Первые мгновения Лив смотрела на них почти бездумно, всё ещё пытаясь унять бешено колотившееся после погони сердце.

А потом заметила рога.

У мужчины, стоявшего прямо перед ней, они уходили назад от висков и были тёмными, чуть изогнутыми, гладкими у основания и заострёнными к концам. Сначала Лив решила, что неверный свет просто исказил какую-то деталь его снаряжения, однако никакого шлема на мужчине не было. Она внимательнее посмотрела на остальных и поняла, что ей не показалось: рога были у каждого — короткие и почти прямые, длинные, плавно изогнутые или расходящиеся в стороны.

Затем взгляд начал замечать и другие детали. У одного из мужчин факельный свет скользнул по мелкой тёмной чешуе на виске, у другого похожие пластины виднелись над воротом плаща, а у стоявшего чуть поодаль всадника Лив заметила небольшой хвост. Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно понять: ни костюмами, ни гримом увиденное объяснить невозможно.

Страннее всего было то, что ничего в их облике не казалось уродливым. Чужие черты удивляли, но выглядели настолько естественно, словно именно такими эти люди и должны были быть.

И все они были по-своему красивы.

Их красота не была безупречной или нарочито правильной, но каждый чем-то притягивал взгляд. Лив, несмотря на страх и полное непонимание происходящего, всё-таки оставалась женщиной и не могла не отметить сильные лица, необычные глаза, высокие фигуры. Даже небольшой хвост одного из всадников не выглядел нелепой или чужеродной деталью; напротив, в сочетании со всем остальным он придавал мужчине особый шарм.

До этой минуты Лив всё ещё пыталась удержаться за хоть какое-то разумное объяснение. Возможно, она оказалась очень далеко от дома, в неизвестной стране или месте, о существовании которого никогда не слышала; возможно, сильный удар заставлял мозг искажать часть увиденного. Даже две луны, огромную тень в небе и чудовище в лесу по отдельности ещё можно было попытаться объяснить, если очень сильно захотеть.

Рога и чешуя на лицах людей эту возможность уничтожили.

Лив уже понимала, что привычными объяснениями здесь не обойтись, но ставить точку и признавать, что дороги назад может не существовать, отказывалась. Перед ней стояли люди, способные говорить с ней и отвечать на вопросы. Пока этого было достаточно, чтобы надеяться на помощь.

— Вы ранены? — неожиданно мягко спросил мужчина.

Только теперь Лив мельком обратила внимание на коня, которого тот удерживал за повод: животное было крупнее привычных ей лошадей, а на тёмной шее среди шерсти поблёскивали редкие чешуйчатые пластины. Похоже, необычной внешностью местных дело не ограничивалось.

— Он меня не задел. Рука была разбита раньше, плечо тоже болит… — Лив перевела дыхание, стараясь говорить ровнее. — Спасибо вам. Правда. Но скажите, эта штука точно мертва? Потому что я слышала, как она плакала.

Всадник задержал на ней взгляд чуть дольше, чем того требовал разговор. Появление незнакомой женщины посреди ночного леса явно вызывало у него всё больше вопросов.

— Мертва, можете не сомневаться. Больше она не поднимется, — заверил он её и, немного помедлив, спросил: — Вы действительно здесь одна? Никто не пришёл вместе с вами?

— Если бы я знала, как сюда попала, поверьте, начала бы именно с этого, — устало ответила Лив. — Последнее, что я помню, — меня сбила машина. Потом я очнулась в этом лесу совершенно одна. Мне нужно найти способ связаться с мужем и попасть к врачу. Надеюсь, хотя бы с этим вы сможете мне помочь?

На слове «муж» голос всё-таки дрогнул, и Лив крепче стиснула ремень сумки, стараясь удержать себя в руках и продолжать говорить спокойно.

Она всегда звонила мужу, когда ей становилось страшно. Порой они раздражали друг друга, могли неделями говорить в основном о детях, покупках и бесконечных бытовых мелочах, из которых незаметно складывалась их совместная жизнь, но Лив прекрасно знала, что именно ему можно признаться в том, что она устала или не справляется. Ему можно было позвонить и сказать всего два слова — «мне страшно», — не объясняя больше ничего, потому что всё остальное он и так понял бы. А сейчас она не могла сделать даже этого — просто набрать знакомый номер и услышать его голос.

Всадник нахмурился, очевидно не понимая значительной части сказанного, и лишь тогда, впервые по-настоящему вслушавшись в его речь, Лив осознала ещё одну странность: мужчина говорил на языке, которого она никогда прежде не слышала. До этого страх и необходимость просто выжить не оставляли времени задуматься, почему она вообще понимает его слова.

Речь звучала непривычно — с твёрдыми согласными, растянутыми гласными и сочетаниями звуков, которые Лив вряд ли сумела бы повторить, — однако смысл каждой фразы возникал в голове без малейшего усилия, будто перевод появлялся раньше, чем она успевала задуматься над услышанным.

— В какое место вас отвезти? — спросил всадник. — Из какого вы селения?

— Я…

Лив замялась, пытаясь сообразить, как вообще отвечать на такой вопрос, но закончить фразу не успела: повреждённую ладонь неожиданно обдало жаром, словно прямо под кожей на мгновение вспыхнула искра. Между пальцами мелькнул золотистый отблеск, настолько слабый, что его легко можно было принять за отражение факела.

Лив невольно задержала дыхание и осторожно пошевелила пальцами. Тепло тонкой волной прошло от царапины по ладони и почти сразу угасло, оставив после себя лишь непривычное покалывание. Она поспешно спрятала руку, стараясь сделать это достаточно естественно, чтобы никто из мужчин не обратил внимания.

— Вы точно уверены, что морок вас не задел? — Всадник всё же заметил движение и посмотрел внимательнее. — Если он успел хотя бы оцарапать вас, мне нужно об этом знать.

— Уверена, — ответила Лив несколько поспешнее, чем собиралась, а заметив сомнение в его глазах, заставила себя говорить спокойнее. — Эту руку я повредила ещё до того, как очнулась здесь. Если бы та тварь меня задела, я бы сказала. Мне сейчас меньше всего нужны ещё и последствия её укуса.

По чуть прищуренным глазам было понятно, что всадник поверил не до конца, но новых вопросов не задал. И хорошо. Лив сама не понимала, что произошло с ладонью, а рассказывать о золотистом отблеске вооружённым мужчинам, которых знала всего несколько минут, не собиралась.

Тем временем взгляд мужчины скользнул ниже, задержавшись на её одежде. Мокрая офисная блузка, брюки и городские туфли настолько выбивались из всего, что Лив успела увидеть здесь, что причина его интереса была вполне очевидна.

Один из всадников негромко произнёс что-то, взглянув на её туфли, а другой с нескрываемым любопытством рассматривал телефон, торчавший из незастёгнутого кармана сумки.

— Что это за предмет? — спросил он, кивнув на телефон. — Никогда такого не видел.

Лив машинально прикрыла его рукой. Необходимость объяснять человеку с рогами и хвостом назначение смартфона была настолько нелепой, что в любой другой ситуации она, возможно, даже рассмеялась бы.

— Это телефон. С его помощью можно разговаривать с человеком, даже если он находится очень далеко, — объяснила она, доставая его из сумки. — Только здесь от него, похоже, никакой пользы.

Мужчины переглянулись, явно пытаясь представить, каким образом небольшой тёмный предмет способен передавать человеческий голос. Всадник, стоявший перед Лив, протянул руку, желая рассмотреть телефон поближе, но она тут же отступила на полшага и прижала его к груди.

— Даже не думайте. Он останется у меня.

Мужчина слегка поднял бровь.

— Я всего лишь хотел посмотреть.

— Смотрите, — спокойно ответила Лив. — Только из моих рук.

Несколько мгновений они молча изучали друг друга, и Лив уже приготовилась к спору, однако всадник всё же опустил руку, очевидно решив не испытывать её терпение.

— Меня зовут Эдран, — наконец представился он. — Я капитан северного дозора.

— Лив.

— Тогда, Лив, я повторю вопрос, на который вы так и не ответили. Откуда вы?

Она назвала город и внимательно проследила за его реакцией, но на лице Эдрана не появилось ни тени узнавания. Тогда он уточнил, в какой стране находится названное место, однако и этот ответ ничего не прояснил. Капитан переглянулся со своими людьми; один нахмурился, другой едва заметно покачал головой. Теперь на Лив смотрели уже иначе — внимательнее, настороженнее. Один из мужчин тихо произнёс несколько слов, обращаясь к Эдрану, и Лив удалось разобрать только два — «Грань» и «чужая».

— Если вы обсуждаете меня, я бы предпочла понимать, что именно вы говорите, — вмешалась она, переводя взгляд с одного мужчины на другого. — Раз уж речь идёт обо мне, не делайте вид, будто меня здесь нет.

Эдран посмотрел на неё со сдержанным удивлением, но отвечать резко не стал.

— Подобной одежды я прежде не видел, названные вами места никому из нас не знакомы, а предмет, который вы называете телефоном, мы сегодня увидели впервые. К тому же вы одна оказались ночью в лесу, куда местные стараются не заходить после заката, и утверждаете, что вас сбила… машина.

Последнее слово он произнёс осторожно, будто всё ещё пытался понять его значение. Внутри у Лив снова поднялось раздражение, и на этот раз она почти позволила ему взять верх: злиться на чужое недоверие было гораздо проще, чем думать о том, почему никто здесь не знает ни её города, ни страны.

— Да, именно это я и утверждаю. И поверьте, мне сейчас не меньше вашего хочется понять, что, чёрт возьми, происходит.

Эдран уже собирался ответить, когда из глубины леса донёсся протяжный низкий звук. Лошади почти одновременно забеспокоились, одна нервно переступила копытами, и Лив снова различила в далёком крике неприятно человеческий всхлип.

Капитан мгновенно посерьёзнел.

— Продолжим этот разговор в более подходящем месте. Мороки редко охотятся поодиночке, а ждать, пока остальные придут на запах крови, я не намерен. Мы отвезём вас в Вальдрен.

Лив посмотрела туда, где над тёмной линией леса виднелись далёкие огни.

— Тот город на горе?

— Да. Вальдрен.

— И там мне действительно смогут помочь? Мне нужен врач… или кто у вас здесь занимается ранеными. И главное — кто-нибудь, кто сможет объяснить, как я сюда попала и можно ли вернуться обратно.

— Лекари в Вальдрене есть, — ответил Эдран уже серьёзнее. — Что касается остального, обещать вам возвращение туда, откуда вы пришли, я не стану. Но если ответы существуют, искать их разумнее там, а не посреди леса.

— Во дворце? — Лив насторожилась.

— После того, где и при каких обстоятельствах мы вас нашли, я обязан доложить государю. А вас — доставить туда вместе с нами.

— Государю?

— Рейнару.

Имя было ей совершенно незнакомо. Лив мысленно повторила его, стараясь запомнить, а затем крепче сжала телефон.

— А если я не хочу во дворец?

Эдран посмотрел на неё, затем неторопливо перевёл взгляд на тёмный лес.

— Тогда можете остаться здесь и переночевать, — невозмутимо предложил он. — Правда, к утру, скорее всего, не останется ни вас, ни вашей сумки.

Лив несколько секунд смотрела на него.

— Умеете убеждать.

— Стараюсь.

Несмотря на всё происходящее, уголок её губ едва заметно дёрнулся.

— Значит, выбора у меня всё-таки нет.

— Есть, — спокойно заметил Эдран. — Просто один из вариантов значительно разумнее.

Лив ещё раз покосилась на тёмные деревья, откуда совсем недавно выбежала та тварь, и решила, что проверять второй вариант на себе точно не станет.

— Хорошо. Допустим, я еду с вами. Но что произойдёт, когда мы окажемся во дворце?

— Сначала вас осмотрит лекарь. Потом я доложу о том, где и при каких обстоятельствах вас нашёл. После этого постараемся выяснить, как вы здесь оказались и есть ли способ вернуть вас обратно.

Слова о возвращении наконец немного ослабили тугой узел внутри. Именно это Лив и хотела услышать — не обещание чуда, а хотя бы готовность искать ответ.

Убирая телефон, Лив коснулась розовой заколки. Эту заколку дочь дала ей сегодня утром, и сейчас маленькая вещь связывала Лив с домом крепче любых рассуждений. Ей хотелось верить, что её уже ищут, что муж находится рядом с детьми и что всё происходящее можно каким-то образом исправить. Пока никто не доказал ей обратного, Лив не собиралась отказываться от этой надежды.

— Тогда я еду с вами, — сказала она, застёгивая сумку. — Но телефон и сумка остаются у меня. И если во дворце меня собираются сначала запереть, а уже потом задавать вопросы, хотелось бы узнать об этом заранее.

Эдран едва заметно усмехнулся.

— Этого я обещать не могу. Но если вы действительно хотите получить ответы, я помогу вам поговорить с теми, кто способен их дать.

— Уже лучше.

Один из всадников подвёл коня ближе, и только теперь Лив задумалась, как собирается ехать в своём состоянии. Она позволила помочь себе подняться в седло и устроилась позади

мужчины, стараясь не показывать, насколько сильно дрожат ноги после недавнего бега. Когда отряд наконец тронулся, Лив ещё раз оглянулась на лес, постепенно исчезавший за спиной.

Лишь когда внимание всадников переключилось на дорогу, она осторожно разжала пальцы и посмотрела на ладонь. Царапина выглядела совершенно обычно — красная полоска с приставшей по краям грязью, — однако под кожей по-прежнему сохранялось тепло, которому Лив не находила никакого естественного объяснения.

О золотистом свете она решила пока никому не говорить. Что бы ни происходило с её рукой, сначала хотелось понять это самой, а уже потом решать, кому здесь вообще можно доверять.

По мере того как лес редел, впереди всё отчётливее проступал Вальдрен. С каждым поворотом дороги далёкие огни превращались в освещённые окна, а тёмные зубцы на фоне неба постепенно обретали очертания башен. Где-то выше остальных строений возвышался дворец, и Лив невольно пыталась представить, каким окажется Рейнар.

Сквозь ткань сумки она чувствовала твёрдый корпус телефона и ключи от квартиры. Здесь эти вещи были бесполезны, но сама мысль потерять их казалась почти невыносимой — слишком многое связывало их с домом и жизнью, к которой Лив отчаянно хотела вернуться.

Когда впереди показались ближайшие башни Вальдрена, ладонь снова начала нагреваться.

Лив незаметно спрятала руку в складках одежды и подняла взгляд на приближающийся город. За стенами мерцали сотни огней, над крышами возвышался тёмный дворец, а где-то там находился человек, которому Эдран собирался доложить о её появлении.

До ворот оставалось совсем немного, и Лив всё пристальнее смотрела на приближающиеся стены, пытаясь представить, какой окажется её жизнь, когда они останутся за спиной.

Глава 3. Золото в глазах дракона.

Золото в глазах дракона

К тому времени, когда створки ворот Вальдрена начали медленно расходиться в стороны, Лив успела возненавидеть лошадей, собственные туфли и удивительное спокойствие Эдрана, который ехал чуть впереди и время от времени оборачивался, проверяя, всё ли с ней в порядке.

После нескольких часов в седле болело всё, о существовании чего она раньше даже не задумывалась, а сил спорить с собой о том, можно ли ещё объяснить происходящее травмой головы или особенно изощрённым кошмаром, почти не осталось. Сейчас ей хотелось одного — оказаться под крышей, умыться и хотя бы ненадолго перестать ждать, что из темноты снова выскочит нечто, плачущее человеческим голосом.

Вблизи городские стены оказались ещё выше, чем казались издалека. Тёмная стена вздымалась почти отвесной громадой, а вдоль зубцов мерцали золотые огни. Сначала Лив решила, что это обычные факелы, но, въехав под своды ворот, увидела высокие металлические чаши с пламенем, которое горело совершенно неподвижно, будто ветер для него просто не существовал. Свет мягко растекался по камню янтарными отблесками и отражался в тяжёлых металлических створках.

За стенами Вальдрен поднимался вверх несколькими ярусами, словно город строили не на горе, а вместе с ней. Мощёные улицы петляли между высокими каменными домами, над головой почти смыкались резные балконы и крытые переходы, перекинутые от одного здания к другому. На фасадах темнели вытянутые драконьи тела, когти обхватывали карнизы, а каменные крылья поддерживали балконы, но всё это не выглядело украшением, добавленным ради красоты, — драконьи мотивы были вплетены в саму архитектуру настолько естественно, будто город никогда и не мог выглядеть иначе.

Несмотря на поздний час, кое-где ещё горели окна. Из переулка показалась повозка и тут же остановилась, пропуская дозор; у дверей небольшого заведения замер мужчина с кружкой в руке, а со второго этажа одного из домов кто-то отодвинул занавеску. Чем дальше отряд продвигался в глубь Вальдрена, тем чаще люди провожали его взглядами, и очень скоро Лив поняла, что интересовала их вовсе не вернувшаяся ночная стража, а она сама.

Кто-то задерживался у окна, кто-то открыто оборачивался вслед, несколько человек и вовсе останавливались посреди улицы. И неудивительно: среди тяжёлых плащей, доспехов и высоких сапог её мокрая офисная блузка, брюки, городские туфли и сумка через плечо выглядели так, будто вместе с Лив в этот город случайно провалилась часть совершенно другой жизни.

Она старалась запоминать дорогу не потому, что уже собиралась бежать из дворца — пока бежать ей всё равно было некуда, — а потому, что даже смутное представление о пути, которым её привезли, возвращало хотя бы слабое ощущение контроля над собственной жизнью.

Чем выше они поднимались, тем заметнее менялся Вальдрен. Улицы становились шире, дома — просторнее, а над крышами всё отчётливее вырастал дворец, который издалека Лив принимала за продолжение скалы. Огромный и тёмный, он возвышался над городом так, словно когда-то был высечен из самой горы, а всё остальное появилось вокруг значительно позже.

Над главным входом расправлял каменные крылья дракон.

Лив некоторое время разглядывала громадную фигуру, а потом всё-таки не удержалась:

— У вас здесь, я смотрю, довольно сложно забыть, кто именно правит страной. Даже если человек внезапно потеряет память, достаточно посмотреть на ближайшую стену — и ему тут же ненавязчиво напомнят.

Эдран обернулся в седле, и по выражению его лица Лив поняла, что капитан всё ещё не всегда способен определить, когда она говорит серьёзно.

— Вам не нравится Вальдрен?

— Наоборот. Я пытаюсь впечатляться как положено, — она устало поправила ремень сумки. — Просто после двух лун, морока и нескольких часов на лошади каменный дракон размером с небольшой дом уже не производит того эффекта, на который, вероятно, рассчитывал архитектор.

Эдран улыбнулся, уже почти не пытаясь скрывать, что её комментарии начали его забавлять.

— Боюсь вас разочаровать, но завтра он останется примерно того же размера.

— Вот теперь вы окончательно испортили мне вечер.

На площади перед дворцом отряд наконец остановился. Эдран первым сошёл с коня, передал повод одному из стражников и подошёл к Лив, протягивая руку.

— Не торопитесь. После нескольких часов верхом ноги могут не сразу вспомнить, для чего они вообще нужны.

— Очень своевременное предупреждение. Жаль, что вы не сообщили об этом часа три назад, — пробормотала Лив, принимая помощь. — Мне кажется, эта лошадь последние несколько часов целенаправленно выясняла, сколько унижений способен выдержать человеческий позвоночник.

— Она ничего вам не сделала, — возразил Эдран, хотя по голосу было понятно, что он уже откровенно веселится.

— Разумеется. Мы просто не сошлись характерами.

Лив осторожно соскользнула вниз, однако стоило ступням коснуться земли, как колени предательски подогнулись и ей пришлось обеими руками ухватиться за его предплечье. Она переждала короткий приступ слабости, убедилась, что земля больше не качается, и только потом подняла на капитана глаза.

— Если кто-нибудь спросит, я сошла с лошади совершенно самостоятельно, изящно и, желательно, с достоинством.

— Именно так всё и произошло, — серьёзно подтвердил Эдран. — Я даже готов засвидетельствовать это перед государем.

— Вот видите. А я уже начинала думать, что мы никогда не найдём общего языка.

Он придержал её ещё несколько секунд, пока Лив окончательно не обрела равновесие.

— Если говорить серьёзно, вы держитесь значительно лучше большинства людей после встречи с мороком. Некоторые ещё несколько часов не могут связно объяснить, как их зовут.

Лив осторожно расправила затёкшие плечи и посмотрела на него с подозрением.

— Подождите. Это сейчас был комплимент?

— Скорее наблюдение.

— Жаль, — протянула она с нарочитым разочарованием. — Сегодня мне и без того редко говорили что-нибудь приятное, так что я уже была готова принять даже это.

— На будущее учту, что наблюдения следует формулировать более лестно, — пообещал Эдран с таким серьёзным видом, что Лив не сразу поняла, шутит он или нет.

— Вот. Уже прогресс. Надеюсь, ваш лекарь обучается так же быстро.

— Он предпочитает лечить, а не утешать. Если вам нужен хороший собеседник, боюсь, выбор не самый удачный.

— Наконец-то человек с понятной системой ценностей, — одобрительно заметила Лив, и впервые за долгое время в её голосе прозвучало почти настоящее облегчение. — Если он

ещё и не станет каждые пять минут спрашивать, откуда я взялась, я, возможно, проникнусь к нему искренней нежностью.

— На вашем месте я бы не предупреждал его заранее, — с совершенно серьёзным видом посоветовал Эдран. — Он человек осторожный, может решить, что проще сбежать.

За тяжёлыми дверями дворца оказалось неожиданно тепло. После сырого леса, холодного ночного воздуха и долгой дороги это тепло почти ударило в лицо, а вместе с ним навалилась усталость, которую до сих пор удавалось удерживать одним упрямством.

Их встретили несколько слуг и стражников. Никто не задавал вопросов, но взгляды задерживались на Лив достаточно долго, чтобы становилось ясно: к утру о странной женщине, которую северный дозор привёз посреди ночи, будет знать если не весь дворец, то добрая его половина.

Эдран сдержал обещание и сначала отвёл её к лекарю.

Им оказался худощавый мужчина средних лет с чуть усталым лицом и совершенно невозмутимым выражением, словно его регулярно поднимали среди ночи из-за людей, убеждённых, что именно их случай обязательно окажется исключительным. Он никак не прокомментировал одежду Лив, не стал расспрашивать, откуда она взялась, и смотрел на неё прежде всего как на пациента, уже одним этим понравившись ей куда больше большинства людей, встреченных этой ночью.

Лекарь проверил плечо, осторожно ощупал руку, обработал ссадины и долго рассматривал ладонь. К облегчению Лив, ничего необычного в царапине он не заметил. Тепло под кожей к тому времени почти исчезло, а золотистый отблеск больше не появлялся.

— Переломов нет, — наконец сообщил он, убирая инструменты. — Ушибы сильные, особенно на плече. Завтра, скорее всего, будет болеть заметно сильнее, поэтому постарайтесь не пугаться.

Лив осторожно пошевелила рукой и поморщилась.

— Прекрасно. А я уже начала надеяться, что сегодняшняя развлекательная программа наконец закончилась.

Лекарь поднял на неё спокойный взгляд.

— Вы ожидали другую новость?

— После всего, что случилось за последние несколько часов, фраза «завтра вам будет просто больно» звучит почти как обещание счастливого будущего.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Тогда могу дополнительно пообещать множество синяков. Возможно, это окончательно поднимет вам настроение.

— Вот теперь я чувствую настоящую заботу, — Лив серьёзно кивнула, хотя в голосе уже слышалось веселье. — Сразу видно человека, который умеет подобрать нужные слова в нужный момент.

— Я лекарь, а не придворный поэт. От меня обычно требуют другого.

— Тем лучше. Поэтов на сегодня мне точно не надо.

Закончив с перевязкой, мужчина посоветовал ей несколько часов поспать и не нагружать повреждённую руку до утра. Впервые за весь вечер Лив получила рекомендацию, с которой была согласна без единого возражения, и если бы зависело только от неё, исполнила бы её немедленно.

Но впереди оставалась встреча с человеком, ради которого её и привезли во дворец.

Когда они снова вышли в коридор, Эдран повёл её дальше и остановился перед высокими двустворчатыми дверями.

— Сначала я войду один и расскажу Рейнару, где и при каких обстоятельствах мы вас нашли. Я вернусь за вами, как только закончу доклад.

Лив посмотрела на закрытые двери и устало прислонилась плечом к стене.

— Он действительно принимает незнакомых женщин посреди ночи или мне снова достался какой-то особенный местный обычай?

— Когда речь идёт о безопасности Вальдрена, государь редко откладывает важные вопросы до утра.

— Значит, даже царь не может просто лечь спать и решить, что со всеми проблемами разберётся завтра. В этом мы с вашим правителем уже чем-то похожи.

Эдран слегка нахмурился.

— Я не говорил вам, что Рейнар — царь.

Лив медленно повернула к нему голову и посмотрела почти с сочувствием.

— Эдран, вы правда надеялись сохранить это в тайне? Я видела дракона над городом, половина Вальдрена украшена драконьими изображениями, над входом в этот дворец висит каменное чудовище размером с небольшой дом, а вы среди ночи лично привезли меня во дворец, потому что обязаны рассказать правителю обо всём, что произошло в лесу. Дайте мне хотя бы одну маленькую победу за сегодня и скажите, что я правильно сложила два и два.

Капитан некоторое время смотрел на неё, а потом всё-таки сдался:

— Да. Рейнар — царь драконов.

Лив довольно выдохнула.

— Спасибо. Вы даже не представляете, насколько приятно наконец оказаться правой хоть в чём-нибудь.

— Рад, что сумел хотя бы немного улучшить ваш вечер.

— Не преувеличивайте своё влияние, — предупредила она, хотя сама уже улыбалась.

Эдран покачал головой и скрылся за дверями.

Лив осталась между двумя стражниками, которые с таким усердием смотрели прямо перед собой, что становилось совершенно очевидно: рассмотреть её они успели ещё до того, как приняли безразличный вид.

И именно теперь, когда рядом не было ни морока, ни дороги, ни необходимости немедленно отвечать на очередной вопрос, мысли неожиданно вернулись к обычному утру, которое всего несколько часов назад казалось настолько незначительным, что она почти не запомнила его.

Перед глазами возник сын, сидевший над задачей и раздражённо доказывавший, что учительница «объяснила вообще по-другому», затем дочь, которой Лив на ходу поцеловала макушку, и мужнина кружка у раковины, которую она заметила, но решила убрать потом. Она помнила, как искала ключи, одновременно читала сообщение и мысленно перебирала дела на день, однако никак не могла восстановить одно простое движение: подошла ли перед уходом к сыну и обняла его или только крикнула что-то из прихожей, уже опаздывая.

Именно невозможность вспомнить такую обычную мелочь ударила сильнее всего.

На мгновение захотелось дать себе красивую клятву: если она вернётся, никогда больше не повысит на детей голос, не отмахнётся от очередного рассказа и не скажет раздражённо «потом». Но Лив слишком хорошо знала себя, чтобы верить обещаниям, придуманным от страха. Она снова будет уставать, иногда злиться из-за разбросанных вещей, мечтать хотя бы о пяти минутах тишины и спорить по пустякам, потому что именно из всего этого тоже состояла их обычная жизнь.

Ей не нужно было выторговывать у судьбы возвращение домой обещанием стать безупречной матерью — нужно было просто найти дорогу назад.

Через несколько минут двери открылись, и на пороге появился Эдран.

— Можете войти. Я рассказал государю всё, что знаю, так что пересказывать ему заново всё произошедшее вам не придётся. Но вопросов у него, подозреваю, всё равно будет достаточно.

Лив тихо усмехнулась и посмотрела на измятую блузку.

— Прекрасно. Значит, ночь всё-таки решила не отпускать меня без ещё одного испытания.

— Вы справитесь, — неожиданно серьёзно сказал Эдран.

Она подняла на него глаза.

— Вот это уже действительно похоже на комплимент. Я даже не знаю, как реагировать.

— Можете просто запомнить. Второго сегодня не будет.

— Ещё пару часов рядом со мной — и из вас вообще получится приятный человек.

Эдран рассмеялся и распахнул дверь шире.

Лив пригладила волосы, насколько это вообще имело смысл после аварии, леса и нескольких часов верхом, и вошла.

Тронный зал оказался совсем не похож на остальные помещения дворца.

Здесь не было той тяжести, которую Лив почувствовала снаружи, глядя на массивные стены и башни. Пространство, наоборот, стремилось вверх: высокие узкие колонны терялись в темноте под сводами, золотой свет отражался в гладком чёрном полу, а длинные полотнища между колоннами спадали почти от самого потолка. За троном возвышалась огромная резная композиция из переплетённых драконьих крыльев, и именно к ней невольно тянулся взгляд, пока не замечал мужчину, сидевшего перед ней.

В ночной час зал был пуст, и кроме Рейнара, Эдрана и самой Лив здесь никого не было. Без придворных, слуг и лишних голосов пространство казалось ещё больше, а из-за тишины эта встреча ощущалась куда более личной, чем должна была.

Рейнар сидел на троне вполоборота, держа в руке несколько листов, словно даже глубокая ночь не была для него поводом закончить работу. Услышав шаги, он отложил бумаги и поднял голову.

Первой неожиданностью оказался его возраст.

Лив почему-то представляла царя драконов значительно старше — мужчину с тяжёлым лицом, сединой в волосах и взглядом человека, прожившего несколько человеческих жизней. Рейнар выглядел не старше тридцати, но ничего юношеского в нём не осталось: в чертах уже была спокойная жёсткость взрослого мужчины, который слишком давно привык принимать решения за других.

Но возраст оказался далеко не главной проблемой.

Главной проблемой было то, что Рейнар был невероятно красив.

Лив уже успела отметить привлекательность некоторых мужчин Вальдрена, но теперь поняла, насколько условным было это сравнение. Красота Рейнара словно существовала по каким-то отдельным правилам и без особого труда могла превзойти любые женские фантазии, даже самые неприличные.

Таких мужчин Лив не видела даже в порно.

И это при том, что уж там-то, казалось бы, создатели должны были прекрасно понимать, какую именно мужскую внешность хотят видеть женщины.

Мысль была настолько неуместной, что Лив едва не рассмеялась. Разумеется. Если уж проваливаться в неизвестный мир, то обязательно прямо к царю драконов, одного взгляда на которого достаточно, чтобы в голове появлялись мысли, совершенно не предназначенные для приличного знакомства.

Густые чёрные волосы лежали чуть небрежно и отдельными прядями падали на лоб, подчёркивая золотой цвет глаз. Крупные обсидиановые рога поднимались над висками и плавно изгибались вдоль головы, удивительно гармонично продолжая резкие линии лица. Высокие скулы, прямая переносица, чёткий подбородок, тёмная серьга в ухе — каждая черта сама по себе притягивала взгляд, а вместе они создавали внешность, которую практически невозможно было рассматривать спокойно.

Особенно когда Рейнар смотрел в ответ.

Глубокого золотого цвета, с узкими тёмными зрачками, его глаза казались почти светящимися на фоне смугловатой кожи, и именно из-за них в его красоте не оставалось ничего безопасного. Рейнар смотрел спокойно, внимательно, без суеты, и от этого в нём было что-то хищное — не показное, а совершенно естественное.

Когда он поднялся с трона, впечатление стало только сильнее.

Очень высокий, заметно выше Эдрана, Рейнар был сложен именно так, как Лив всегда считала особенно опасным для здравого смысла: широкие плечи, узкая талия, сухое, сильное тело без тяжёлой массивности. Чёрная рубашка облегала фигуру ровно настолько, чтобы не оставлять воображению слишком много работы, а расстёгнутый ворот открывал ключицы и верх груди, по которым тёмным рисунком проходила гладкая чешуя, похожая на полированный обсидиан.

Когда он отложил бумаги и поправил манжету, на длинных пальцах блеснули тёмные кольца. Взгляд Лив почти против воли задержался на его руках — сильных, красивых, с проступающими венами на тыльной стороне ладоней. Даже самые обычные движения у него выходили удивительно спокойными и уверенными.

Воображение услужливо предложило несколько вариантов того, чего этими руками можно было бы делать совсем не в тронном зале.

Лив мысленно выругалась и поспешила поднять взгляд к его лицу, но лучше от этого не стало.

Рот у Рейнара был слишком чувственным для настолько жёстких черт — откровенно мужским, красивым именно той красотой, которая моментально вызывает желание узнать, как он целуется.

Жар медленно прошёл по телу, и дыхание на мгновение сбилось.

Перед ней стоял мужчина, одного взгляда на которого хватало, чтобы женское воображение забывало и о приличиях, и о здравом смысле. И всё это было крайне некстати: у неё дома остались муж и дети, она находилась неизвестно где и понятия не имела, как вернуться обратно, а тело именно сейчас решило напомнить, что мужчина перед ней вызывает совершенно недвусмысленное желание.

Рейнар тем временем спустился с возвышения и двигался с раздражающей естественностью — без демонстративной важности, без нарочито медленных жестов, словно ему никогда не приходилось специально напоминать окружающим, кем он является. Достаточно было того, как рядом с ним выпрямился Эдран и как сам Рейнар держался в этом огромном зале, будто всё здесь принадлежало ему не по титулу, а по праву.

Золотой взгляд неспешно прошёлся по Лив — от спутанных волос до испачканных туфель — и снова поднялся к лицу. Рейнар рассматривал её совершенно открыто, без неловкости и без попытки сделать вид, будто не замечает очевидного.

Лив это сразу не понравилось.

Ещё меньше ей понравилось, насколько охотно её собственный взгляд отвечал ему тем же.

— Значит, вы и есть Лив, — произнёс Рейнар, останавливаясь в нескольких шагах.

Голос оказался низким, глубоким, с лёгкой хрипотцой, и эта деталь окончательно заставила Лив заподозрить, что сегодняшний вечер издевается над ней намеренно.

— А вы, полагаю, Рейнар, — ответила она, стараясь не показать, какое впечатление произвёл даже его голос.

Эдран едва заметно повернул голову в её сторону, и этого оказалось достаточно, чтобы Лив поняла: опять нарушила какое-то неизвестное правило.

Рейнар тоже заметил её обращение.

— При дворе ко мне обычно обращаются несколько иначе, — произнёс он без раздражения, но с явным интересом. — Особенно при первой встрече.

Лив устало вздохнула и чуть крепче перехватила ремень сумки.

— Тогда заранее прошу простить мою невоспитанность. За сегодняшний вечер меня сбила машина, я очнулась в незнакомом лесу, увидела две луны, дракона и существо, которое пыталось меня съесть. В процессе ещё выяснилось, что никто здесь не знает ни моего города, ни страны. Я обязательно изучу правила вашего двора, но, если позволите, немного позже — после того как пойму, существует ли вообще дорога обратно к моим детям.

Рейнар несколько мгновений молчал, разглядывая её уже с откровенным любопытством.

— Значит, поклоны пока отменяются?

Лив уловила лёгкую насмешку и ответила почти сразу:

— Я надеялась, что вы переживёте эту потерю достойно.

На лице Рейнара медленно появилась улыбка, будто мысль о незнакомой женщине, которая спокойно отменяет положенные государю поклоны, неожиданно его развлекла.

— Постараюсь пережить.

Затем он перевёл взгляд на Эдрана.

— Оставь нас.

Капитан сразу напрягся.

— Государь, учитывая обстоятельства её появления, я бы всё-таки предпочёл остаться. Мы пока слишком мало знаем о том, что именно произошло в лесу и почему она оказалась возле Вальдрена.

— Именно поэтому я хочу поговорить с ней без свидетелей, — спокойно ответил Рейнар. — Если мне понадобится твоя помощь, я позову.

Эдран явно не был доволен ответом, но спорить дальше не стал.

Лив проводила его взглядом и всё же не удержалась:

— Только далеко не уходите. После сегодняшнего дня у меня появилась нездоровая привычка держать поблизости хотя бы одного человека, которому я уже успела немного довериться.

Рейнар посмотрел на неё внимательнее.

— Вы действительно считаете, что здесь вам что-то угрожает?

— Несколько часов назад я считала, что самое неприятное, что может произойти со мной вечером, — пробка по дороге домой. Поэтому теперь стараюсь не исключать даже самые невероятные варианты.

Он усмехнулся.

— Разумно. Хотя для хозяина дворца несколько оскорбительно.

— Думаю, вы переживёте и это.

Эдран бросил на неё последний долгий взгляд, в котором читалось явное желание попросить хотя бы ненадолго перестать проверять терпение царя драконов, после чего вышел.

Когда дверь закрылась, в огромном зале остались только они двое.

Рейнар приблизился, но остановился достаточно далеко, чтобы Лив не пришлось отступать.

— Эдран рассказал мне всё, что успел узнать. Вас нашли одну в северном лесу, в одежде, подобной которой здесь никто прежде не видел, с предметом для связи, не содержащим никакой известной нам магии. И незадолго до этого, по вашим словам, вы находились совершенно в другом месте.

Лив невольно почувствовала облегчение.

— Хорошо. Значит, пересказывать всё второй раз мне не придётся. Я уже начала подозревать, что к утру научусь рассказывать собственную историю за тридцать секунд.

— Не торопитесь радоваться. Вопросов у меня всё равно достаточно.

— Почему-то я в этом даже не сомневалась.

По выражению его лица Лив поняла, что ответ его позабавил.

— Предмет называется телефоном?

Она коснулась сумки.

— Да. В моём мире это совершенно обычная вещь. С его помощью можно разговаривать на расстоянии, отправлять сообщения, фотографии, искать информацию. Никакой магии там нет, хотя подозреваю, что после всего, что существует здесь, вам проще было бы поверить именно в магию.

— Я стараюсь верить тому, что могу проверить, — ответил Рейнар и немного склонил голову. — Особенно когда речь идёт о женщине, которая появилась из неизвестного мира.

— Вот теперь прозвучало так, будто вы уже заранее записали меня в подозреваемые.

— Пока я просто не знаю, опасны ли вы.

— Чудесное начало знакомства.

Рейнар снова улыбнулся.

— Эдран также рассказал, что перед тем, как оказаться в лесу, вы попали под… машину.

— Под машину, — поправила Лив. — Это металлический экипаж, который движется без лошадей и значительно быстрее любой из них.

Рейнар несколько секунд изучал её лицо, словно пытался представить механизм, способный двигаться без лошадей и при этом развивать такую скорость.

— Настолько быстро, что способен перебросить человека между мирами?

Лив не удержалась и тихо рассмеялась.

— Обычно максимум в больницу. Поверьте, производители автомобилей пока не заявляли подобной функции.

Рейнар улыбнулся шире, и взгляд Лив почти против воли снова скользнул к его губам.

Проклятье.

Она тут же вернула внимание к его глазам, но было уже поздно: Рейнар явно заметил, куда она смотрела.

— Вы всегда шутите, когда вам страшно? — спросил он после небольшой паузы, и насмешки в его голосе стало меньше.

Лив не ответила сразу, позволив себе внимательно его рассмотреть.

— А вы всегда через несколько минут после знакомства решаете, что уже разобрались в человеке?

— Нет. Иногда мне действительно требуется больше времени, — спокойно признал он. — Но вы довольно старательно мешаете мне составить о вас однозначное мнение.

— Значит, не всё потеряно. Я бы расстроилась, окажись настолько предсказуемой.

Рейнар негромко рассмеялся.

— При первой встрече со мной люди обычно внимательнее выбирают слова.

— Возможно, у них был менее насыщенный день.

Лив собиралась продолжить этот странный обмен колкостями, но усталость внезапно напомнила о себе, а вместе с ней вернулась мысль о доме. Пальцы сильнее стиснули ремень сумки.

— Послушайте, Рейнар. Мне не нужен новый дом, убежище или красивая история о том, что судьба решила привести меня сюда ради великой цели. У меня есть муж и двое детей, которые сейчас, возможно, вообще не знают, жива ли я. Если вы способны помочь мне понять, как я здесь оказалась и существует ли путь обратно, помогите. А если не можете — скажите прямо. Я лучше переживу плохую правду, чем буду цепляться за обещание, которое никто не сможет выполнить.

Рейнар перестал улыбаться.

— Муж и дети?

— Да, — Лив выдержала его взгляд. — И именно к ним я хочу вернуться.

Рейнар на мгновение приоткрыл рот, словно собирался задать ещё один вопрос, но вместо этого лишь чуть выпрямился и продолжил уже совершенно другим, деловым тоном:

— Эдран назвал мне ваш город и страну. Таких мест нет ни на одной карте, которую я видел.

Лив заранее знала, что услышит примерно это, и всё равно почувствовала, как внутри болезненно сжалось.

— А Земля? Вам известно такое название?

— Если вы называете так свой мир, то нет. Здесь это слово означает почву или сушу. Ни государства, ни известной земли с таким названием я не знаю.

Лив медленно выдохнула и на несколько мгновений отвернулась. Пока эти слова не были произнесены вслух, где-то внутри ещё сохранялась крошечная возможность, что произошла нелепая ошибка, но теперь цепляться за неё становилось всё сложнее.

Рейнар указал на кресло возле длинного стола.

— Вам всё-таки стоит сесть. Вы выглядите так, словно держитесь на ногах исключительно из упрямства.

Лив посмотрела на кресло, затем снова на него.

— В основном так и есть. Но если я сяду, существует большая вероятность, что через пять минут вам придётся вести государственные переговоры с женщиной, которая уснула прямо посреди фразы.

— Уверяю вас, мне приходилось переживать и более тяжёлые дипломатические оскорбления, — совершенно серьёзно сообщил Рейнар.

Лив невольно улыбнулась.

— Тогда оставлю этот вариант на крайний случай.

Он не стал настаивать и отошёл к длинному столу, где лежали раскрытые карты и несколько тяжёлых книг.

— В старых хрониках действительно встречаются упоминания о переходах между мирами, — начал Рейнар, перелистывая несколько страниц. — Но записи настолько редки и противоречивы, что большинство историков считает их легендами.

Лив подошла чуть ближе.

— А вы, судя по всему, не принадлежите к большинству.

— Я предпочитаю не объявлять легендой то, что однажды может войти в мой город собственными ногами и начать спорить со мной в тронном зале.

— С этой точки зрения аргумент действительно убедительный, — признала Лив. — И что говорится в этих хрониках?

Рейнар опёрся ладонями о край стола.

— Немного. В некоторых текстах упоминается Грань между мирами и разрывы, способные возникать на короткое время. Одни авторы связывают их с мощным всплеском силы, другие вообще не называют причины. Есть истории об исчезнувших людях, однако достоверных описаний самого перехода почти не осталось.

Лив несколько секунд молчала, внимательно всматриваясь в его лицо.

— То есть сейчас вы не знаете, как отправить меня домой.

Рейнар не отвёл взгляда.

— Нет. Пока не знаю.

Ответ был неприятным, но именно такой честности она и требовала.

— Хорошо, — тихо сказала Лив. — По крайней мере вы не пытаетесь придумать утешительный ответ только потому, что он прозвучал бы лучше.

— Я не даю обещаний, если не уверен, что смогу их выполнить.

— Тогда надеюсь, хотя бы в этом вам можно верить.

— Это вам ещё предстоит решить.

Повреждённая ладонь напомнила о себе знакомым теплом, и Лив машинально сжала пальцы.

— Есть ещё одно обстоятельство, которое меня беспокоит, — продолжил Рейнар. — Когда отряд Эдрана привёз вас в Вальдрен и вы прошли через северные ворота, сработали защитные печати.

Лив нахмурилась.

— Они реагируют на всех чужаков?

— Нет. На обычного путника печати вообще не должны откликаться. Обычно они реагируют на сильное воздействие на защитный контур или на нарушение Грани. Но сегодняшняя реакция не похожа ни на один случай, описанный в наших записях.

Лив невольно поёжилась.

— Что именно они почувствовали?

— Этого хранители определить не смогли. Но отклик оказался настолько сильным, что сообщение пришло ко мне ещё до того, как вы добрались до дворца.

Стоило ему договорить, как знакомое тепло под повязкой быстро усилилось и почти сразу превратилось в болезненный жар, разлившийся по всей ладони. Лив непроизвольно прижала руку к боку.

Рейнар сразу заметил движение.

— Что происходит с рукой?

— Ничего нового. Лекарь её осмотрел и сказал, что повреждение поверхностное.

— Тогда почему при упоминании печатей вы сразу её спрятали?

Лив встретила его взгляд.

— Потому что она болит.

— Лив, — произнёс Рейнар уже совсем другим тоном, без прежней лёгкой насмешки, и протянул руку. — Покажите.

Она посмотрела сначала на его ладонь, а потом снова в лицо.

— Нет.

На мгновение в зале стало так тихо, что Лив услышала слабое потрескивание золотого пламени в дальних чашах.

Рейнар не повысил голоса и не попытался приблизиться, однако вся прежняя расслабленность исчезла.

— Я хочу лишь осмотреть повреждение. Если ваша рука связана с тем, что произошло на воротах, это касается уже не только вас.

— Я понимаю ваши причины, — спокойно ответила Лив, хотя внутри снова начало нарастать напряжение. — Но за последние часы я почти ничего не могла решать сама. Меня нашли в лесу, привезли сюда, провели через город, осмотрели, а теперь я стою перед человеком, который пытается понять, представляю ли я угрозу его государству. Попробуйте хотя бы на минуту посмотреть на всё это с моей стороны.

Рейнар ничего не сказал, позволяя ей продолжить.

— Я оказалась одна в мире, о существовании которого ещё утром даже не знала. Вы можете одним словом вызвать сюда вооружённых людей, а я не знаю даже, куда ведёт половина дверей в этом дворце. Поэтому хотя бы собственным телом я пока хотела бы распоряжаться сама.

Рейнар медленно опустил руку.

— Вы понимаете, что при необходимости я всё равно могу приказать?

— Конечно. Именно поэтому мне особенно важно узнать, станете ли вы это делать.

Он чуть прищурился.

— Значит, вы меня проверяете?

— Я пытаюсь понять, могу ли вам доверять. Думаю, это немного разные вещи.

Рейнар не ответил сразу. Челюсть чуть напряглась, а прежняя насмешка окончательно исчезла с его лица.

К огромному неудовольствию Лив, раздражение совершенно его не портило. Напротив, резкие черты становились выразительнее, золотые глаза казались темнее, а спокойная властность приобретала опасную остроту, от которой по телу снова пробегало совсем неуместное тепло.

Даже спорить с этим мужчиной было неудобно по причинам, никак не связанным с самим спором.

— Хорошо, — произнёс Рейнар наконец. — Сегодня я не стану настаивать. Но утром мы вернёмся к этому вопросу, и к тому времени я хочу получить полный отчёт о том, что произошло на воротах.

Лив вскинула брови, искренне удивившись тому, как легко он в итоге отступил.

— Признаюсь, я ожидала, что всё закончится значительно хуже.

— Не заставляйте меня пожалеть о решении.

— Постараюсь. Хотя обещать не стану — вдруг вы решите, что я слишком быстро стала удобной.

На этот раз Рейнар рассмеялся.

— Вы удивительно быстро начинаете действовать мне на нервы.

Лив тоже не удержалась от улыбки.

— Тогда вечер прошёл не зря. Наконец-то мы нашли вопрос, в котором полностью согласны.

— Здесь редко спорят со мной настолько открыто, — заметил он. — Даже те, кто со мной не согласен, обычно выбирают выражения осторожнее.

— Возможно, они просто знают вас слишком давно. У меня ещё не было времени выработать страх перед вашим титулом.

— Думаете, со временем появится?

Лив неспешно окинула его взглядом.

— Пока прогноз неблагоприятный.

Рейнар тихо рассмеялся и сделал шаг ближе, сократив расстояние между ними настолько, что Лив пришлось чуть поднять голову. От него пахло тёплым деревом, кожей и чем-то едва горьким, незнакомым, а вблизи золотые глаза казались ещё более необычными: вокруг узких зрачков расходились тонкие тёмные линии, почти терявшиеся в золоте радужки.

Её взгляд снова скользнул к его губам и задержался там дольше, чем следовало.

На этот раз Рейнар заметил совершенно точно.

Он на короткое мгновение посмотрел на её рот, после чего снова встретился с её взглядом, и Лив почти физически ощутила, как между ними возникло другое напряжение — уже не связанное ни с Гранью, ни с защитными печатями, ни с недавним спором.

Она первой отвела взгляд.

Дома остались муж и дети.

Здесь ей нужен был человек, способный помочь вернуться к ним, а не мужчина, одного присутствия которого хватало, чтобы в голове появлялись желания и непристойные мысли, которых сейчас совершенно не должно было быть.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, от которых вам нужна помощь? — спросил Рейнар тише.

Лив снова посмотрела на него.

— Только когда помощь начинает звучать как право распоряжаться мной. Я благодарна вашим людям. Если бы Эдран не оказался в лесу, я, скорее всего, сейчас вообще не стояла бы здесь. Я это прекрасно понимаю. Но благодарность не означает, что человек, который сильнее

меня или занимает здесь более высокий пост, автоматически получает право решать за меня всё остальное.

Рейнар долго изучал её лицо, но Лив не стала заполнять паузу оправданиями.

Наконец он отступил, возвращая между ними нормальное расстояние.

— Вам приготовят комнату. На сегодня действительно достаточно. Даже ваше упрямство уже не скрывает того, насколько вы устали.

— Наконец-то мы пришли к решению, против которого я совершенно не хочу возражать. Лекарь будет гордиться.

— Утром я подниму все записи о Грани, которые есть во дворце, и получу полный отчёт хранителей северных ворот. После этого продолжим разговор.

Лив уже собиралась уйти, но один вопрос всё-таки заставил её задержаться.

— И вы действительно будете искать способ вернуть меня домой?

Рейнар посмотрел ей прямо в глаза.

— Буду. Но не стану обещать, что найду его быстро или что ответ окажется тем, который вы хотите услышать.

Отсутствие красивых обещаний неожиданно вызвало у неё больше доверия, чем любые попытки успокоить.

— Спасибо, — произнесла Лив уже совершенно серьёзно. — Правда.

Рейнар заметил, что на этот раз в её голосе не было ни насмешки, ни колкости, но ничего не сказал.

— Вам пора отдыхать.

Лив уже направилась к двери, когда всё-таки остановилась и оглянулась.

— Рейнар, вы сказали, что печати среагировали необычно. Насколько давно происходило хоть что-нибудь похожее?

Он ответил не сразу.

— Настолько давно, что люди, оставившие последние записи о подобном случае, умерли несколько столетий назад.

Под повязкой снова разлилось тепло, и Лив непроизвольно сжала пальцы.

Рейнар тоже посмотрел на её руку, но на этот раз ничего не потребовал.

Она взялась за ручку двери и устало выдохнула.

— Знаете, обычно на этом месте люди желают друг другу спокойной ночи.

— После того, что произошло с вами сегодня, это пожелание звучало бы почти издевательски.

Лив оглянулась на него через плечо.

— Вот теперь вы действительно начинаете меня понимать.

Двери закрылись за её спиной тяжёлым глухим звуком.

Эдран ждал неподалёку, чтобы проводить её в приготовленную комнату. Пока они шли по незнакомым коридорам, усталость наконец начала брать своё, но под чистой повязкой по-прежнему сохранялось странное тепло, не позволяя окончательно убедить себя, что всё важное на сегодня уже закончилось.

У двери комнаты Лив невольно сжала пальцы и прислушалась к собственному телу. До рассвета оставалось ещё несколько часов, и впервые за весь этот безумный вечер ей хотелось только одного — чтобы они прошли совершенно без событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.